

II. ВЫСТУПЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

СТАТЬИ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ А. ВИКСТЕНА, П. ГАСКАРА, У. ДЮБУА (ДЮ БОЙСА), Я. ИВАШКЕВИЧА, А. КАРПЕНТЬЕРА, Ш. О'КЕЙСИ, У. К. КЕККОНЕНА, В. КЕПЦЕНА, А. КЕТТЛА, К. КРИПАЛАНИ, К. ЛЕВИ, Э. ЛО ГАТТО, А. Н. ЛУНДКВИСТА, Ф. МОРИАКА, НАКАМУРА ХАКУЁ, З. НЕЕДЛЫ, Л. НЕМЕТА, ДЖ. НЕРУ, А. ОМРЕ, У. САРОЯНА, Э. СИНКЛЕРА, Ч. П. СНОУ, Л. СТОЯНОВА, Л. ФРАНКА, ХО ШИМИНА, Б. ЧАТУРВЕДИ, С. Ш. ЧАУХАНА и А. Л. Ф. ШВЕЙЦЕРА

АЛЬБЕРТ ВИКСТЕН

Об Альберте *Викстене* см. выше, на стр. 242 настоящего тома.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА

Значение его для мировой литературы — невероятно велико. И дело не только в его народности, в поисках правды или блестящем мастерстве стиля. В нем была какая-то волшебная сила, которая делала его произведения понятными и специалисту-литературоведу, и среднему читателю, и даже человеку, имеющему весьма отдаленное представление о литературе. В свое время Толстой овладел умами тысяч людей, стал их путеводной звездой.

Мир на земле — вопрос, который волнует сегодня очень и очень многих. И это весьма близко тому, что проповедовал Толстой.

Впервые я познакомился с книгами Толстого когда мне было семнадцать лет и я работал лесорубом на севере Швеции. Нельзя сказать, чтобы я и мои тогдашние друзья были очень начитанными. Но у нас появился тогда социалистический клуб. Там мы, кроме других занятий, изучали и обсуждали книги Толстого.

Эти традиции продолжают и сейчас.

В Швеции есть много клубов и кружков, особенно рабочих, где занимаются русской классической и советской литературой. Их количество заметно выросло после запуска спутников, так же, как вырос интерес к русской культуре, языку и вообще всему, что связано с СССР.

Пятьдесят три года назад я впервые познакомился с Толстым и полюбил его. С тех пор я много раз перечитывал его произведения. Величие Толстого неоспоримо. Но теперешнее чествование делает его вновь очень современным. Уезжая сюда, в Москву, как представитель своей страны, я явственно почувствовал, что интерес к Толстому необычайно силен в сегодняшней Швеции.

«Советская культура», 19 ноября 1960 г.— Перевод с шведского.

ПЬЕР ГАСКАР

Французский писатель (р. 1916)

ВОСХИЩЕНИЕ

Восхищение, которое французы испытывают по отношению к Толстому (из всех русских писателей он, пожалуй, наиболее известен в нашей стране), имеет двойное объяснение.

Я думаю, что не ошибусь, приписывая главную долю обаяния Толстого мысли писателя, исполненной великодушия и гуманизма, которые по

сей день находят отклик в умах многих наших современников. Среди других причин неуываеваемой жизненности Толстого — его художественное мастерство, с моей точки зрения, достигшее наибольшего совершенства в «Войне и мире».

В то же время мы, конечно, не забываем о наивности, присущей деизму и сентиментальности великого писателя. Но во второй половине XIX века они имели свое оправдание, и Толстой, несмотря на извилистый путь его мысли, по-своему пробуждал в людях стремление идти путем «добрый воли».

Так обстоит дело с толстовской философией, отмеченной выраженным стремлением охватить всех и вся и зачастую весьма туманной. Остается искусство романиста, искусство, лишенное какого бы то ни было формализма, необычайно впечатляющее, великолепное искусство. В «Войне и мире» — книге, которую я ставлю выше всех других произведений Толстого, — он обнаруживает еще и мастерство историка. Вернее, он оживает, обогащает искусство историка и, хотя описывает события 1812 года, создает самый яркий и близкий для французов образ русского народа.

Париж

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г. — Перевод с французского.

УИЛЬЯМ ДЮБУА (ДЮ БОЙС)

Негритянский историк и писатель. Член Всемирного Совета Мира (1868—1963)

СЛОВО АМЕРИКАНЦА*

Творчество Толстого получило широкий, хотя и несколько противоречивый отклик в Соединенных Штатах. Сначала мы видели в нем великого мятежника, протестующего против царской тирании. Потом Толстой стал для нас русским писателем, а все русское у нас связывают с социализмом и коммунизмом. Однако мы цеплялись за его «Войну и мир», так как считали себя миролюбивой страной. Но постепенно наша страна заняла место главного защитника войны и теперь тратит чудовищные суммы денег на войну. И нашим мыслителям и писателям стало трудно поддерживать контакт с великим русским поборником мира.

Я затрудняюсь определить, какое место сейчас отведено Толстому в наших университетских программах. Я не был бы удивлен, если бы узнал, что его фашиствующим родственникам** уделяется больше внимания, чем ему — великому защитнику угнетенных русских крестьян. Сомневаюсь и в том, чтобы Толстой занимал видное место в списках литературы, рекомендуемой для чтения нашей молодежи. Но популярность его не увядает. Она будет расти и шириться вместе с размахом социализма, по мере прекращения войн и по мере того, как мы в Америке научимся правильно оценивать вашу грандиозную революцию, принявшую ныне огромный размах в стремлении навсегда покончить с войнами.

Нью-Йорк.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г. — Перевод с английского.

* Публикуемая заметка написана в то время, когда Дюбуа жил в США. — *Ред*

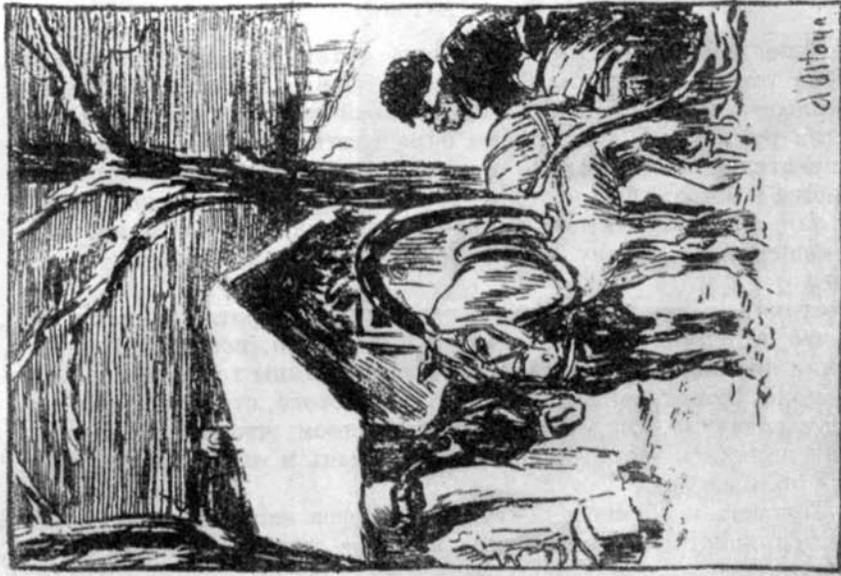
** Речь идет о «деятельнице» белоэмигрантского «Толстовского фонда» в США А. Л. Толстой. — *Ред*.

Les deux Retours

I

RORNÉI WASSILIEFF avait bien cinquante-quatre ans quand, pour la première fois, il revint au village. Pas un cheveu blanc n'apparaissait alors dans sa chevelure épaisse, noire et crépue. Seule, à la naissance de sa barbe, aux tempes, quelques poils grisonnaient légèrement. Aucune ride ne creusait sa figure jeune et rose; sa nuque était large et puissante et, conséquence inévitable de la bonne vie séden-

«КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ». ИЛЛЮСТРАЦИИ И. Я. БИЛИБИНА

Гравюры французского художника д'Остойя

Из книги: Л. Т о л с т о й. Idylles paysannes. Paris, 1924

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ

О Ярославе *Ивашкевиче* см. выше, на стр. 197—198 настоящ. тома.

ВЫСОЧАЙШАЯ ВЕРШИНА

Множественно доводилось мне выступать с так называемыми высказываниями на тему о личности и творчестве Льва Толстого. Писал я и более обширные статьи. Но всегда из-за своей необозримости эта тема ускользает из рук, и мне так трудно определить все свое отношение к великому писателю. И не только потому, что многолетнее творчество автора «Войны и мира» было столь необъятно и сложно, но также и потому, что наш сегодняшний день так необъятен и сложен и обычное определение отношения к такому небывалому явлению становится просто невозможным.

Мое поколение, которое так много пережило на протяжении пятидесяти лет, что отделяют нас от кончины Толстого, всегда находило в произведениях великого затворника из Ясной Поляны то, чего в данную минуту жаждало. Эти открытия в творчестве Толстого, столь монолитном, того, что нам созвучно, свидетельствуют об одном: что самым главным для писателя являлась всегда человеческая жизнь и ответы на вопросы, которые она нам задает.

Любовь Толстого к жизни и показ ее триумфов наполняли нас всегда чем-то вроде спокойствия. Толстовское приятие жизни — вечный источник оптимизма.

Быть может, поэтому и в страшную годину двух войн, которые мы пережили после его смерти, и в трагические, возвышенные и порой непостижимые для свидетеля дни революции, и во время строительства нового мира произведения Толстого не старелись. Мы приходили к нему всегда, словно к источнику, чтобы вкусить прохладу, успокоение.

Не знаю, есть ли на свете другой источник, столь же необходимый современному человеку? Я лично всегда ставлю Толстого рядом с другими гигантами, пример которых помогает мне жить, а иногда и понимать то, что окружало меня эти полвека.

Я помню день смерти Толстого и то огромное впечатление, которое его кончина произвела на весь мир. В этом моменте воплощалось, кристаллизовалось одно из величайших достижений человеческой жизни: то, что было рекой, превращалось в могучую вершину. Таким мне и представляется с тех пор творчество Толстого — как одна из высочайших вершин, каких достигло внутреннее совершенство человека и виртуозность дела рук его.

Варшава.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г. — Перевод с польского.

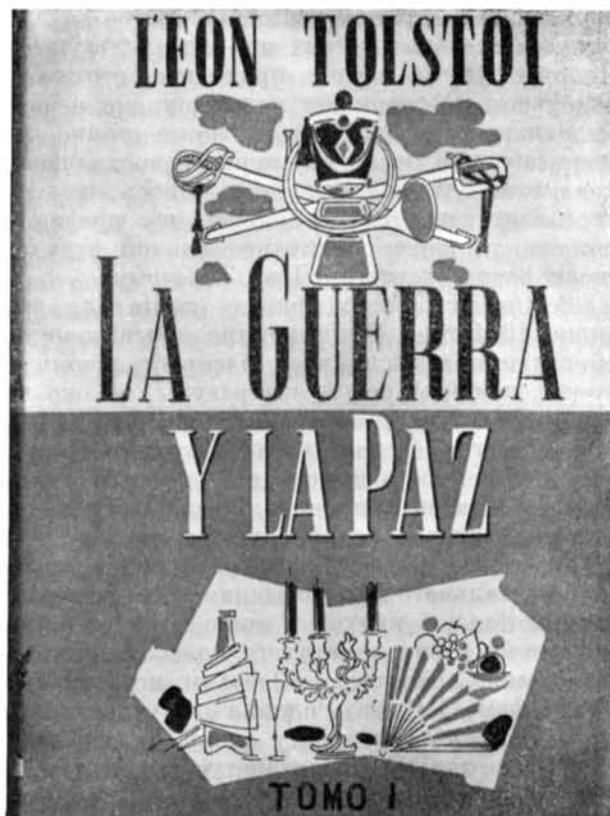
АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР

Кубинский романист (р. 1904)

ЗНАЧЕНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДЛЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Не раз высказывалось довольно легковесное суждение, будто латиноамериканец склонен безоговорочно подражать любой европейской литературной моде. По сути дела, оно, казалось бы, так и должно было бы быть. Он, потомок испанцев, всегда считал испанскую литературу своей собственной. Чутко воспринимая в дни своих освободительных войн гуманистические идеи французов — Монтескье, Руссо, энциклопедистов, — увлекаясь новаторством французской поэзии, латиноамериканец не избежал известного «офранцузивания», особенно ярко выразившегося в

«ВОЙНА И МИР»
 АРГЕНТИНСКОЕ
 ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
 ИЗДАНИЕ
 (БУЭНОС-АЙРЕС, 1957)
 Художник Гори Муньос
 Суперобложка

модернизме начала нашего века. Хорошо знающий английский язык латиноамериканец внимательно изучает английскую и североамериканскую литературы. В силу всего этого можно было бы предположить, что латиноамериканец подвержен влиянию космополитизма. А между тем в действительности происходит обратное: инстинктивно отталкиваясь от всего, что наложило бы чужую печать на его национальный характер, латиноамериканский писатель, художник обращаются к своему собственному миру в поисках своей, латиноамериканской темы. Лучшие произведения нашей литературы как в прошлом, так и в настоящем посвящены латиноамериканской тематике, и каждое такое произведение представляет собой все более и более удачную попытку приблизиться к нашей географической, национальной, исторической и психологической действительности.

Наша действительность мало описана, она еще ждет своего художественного воплощения; иначе говоря, мы еще не овладели искусством изображать вещи так, чтобы они предстали перед читателем как живые.

С другой стороны, океан, отделяющий нас от Европы, представляет собой своеобразный «критический фильтр», хотя книги и журналы, издающиеся в Старом свете, переплывают его с легкостью. После бурного восторга перед тем или иным литературным течением, возникшим в Париже или в Германии, у нас наступает период пересмотра позиций и разочарования, в результате чего иной прозаик или поэт, пусть даже превозносимый французской критикой, забывается у нас навсегда. Поколение 1920-х годов восхищалось некоторыми в значительной степени умозрительными романами Анатоля Франса, как, например, «Восстание ангелов» или «Таис», а в наши дни в Латинской Америке их мало читают. То же самое

произошло и с рядом известных фигур английской литературы, с драматургами, которые до сих пор еще пользуются популярностью в Европе. Положа руку на сердце, приходится это же сказать о Леониде Андрееве, чьи рассказы сорок лет назад широко печатались у нас.

Однако есть писатели, которые стойко выдерживают поверку временем, забвение после чрезмерного восхваления им не грозит. Антон Чехов, пожалуй, более понятен теперь, чем раньше. Маяковского сейчас переводят значительно больше, чем прежде. Что же касается русского романа, то наше поколение целиком отдало помыслы единственному в своем роде гиганту — Льву Толстому.

В доказательство приведу лишь два красноречивых факта. Когда около 1924 года Министерство просвещения Мексики приняло решение об издании и бесплатном распространении среди народа классических произведений мировой литературы, то оно включило в эту серию сочинения Толстого, сопроводив их биографией великого русского писателя. А в 1960 году революционное правительство Кубы постановило создать государственное издательство, которое должно выпускать для народа лучшие образцы мировой литературы, включило роман «Война и мир» в первый список рекомендуемых произведений. Спустя почти девяносто лет после того как Толстой приступил к сбору материалов для своего монументального произведения, его роман продолжает оставаться для нас настольной книгой и живо волнует каждого из нас. «Война и мир» неизбежно стоит в каталоге классических произведений рядом с «Дон-Кихотом» Сервантеса, «Овечьим источником» Лопе де Вега, «Жаном-Кристофом» Ромена Роллана и лучшими творениями Шекспира.

Чем же объяснить эту славу Льва Толстого в Латинской Америке? Отнюдь не только его литературным мастерством. В «Войне и мире» Толстой дал образец эпического романа, который на нашем континенте еще ждет своего творца. Но, кроме того, раздвигая монументальное полотно русской жизни до, во время и после наполеоновского нашествия, он раскрыл перед нами мир, который поразительно похож на наш, — мир, который мы знали, пережили или выстрадали в течение многих поколений, начиная с первых битв за независимость, возникших по капризу истории в те же годы, в которые Лев Толстой начинает свое поприще. Однако различие состоит в том, что после наполеоновского нашествия жизнь русского общества в России — и русская литература — изменились значительно быстрее, чем в странах Латинской Америки. Наше общество продолжало следовать нормам и обычаям индивидуалистического общества, которое так прекрасно изобразил Лев Толстой в первой части «Войны и мира».

Гостиная Анны Павловны напоминает салоны, которые еще в 1920 году посещались молодыми людьми из зажиточных и буржуазных, аристократических семейств Лимы, Буэнос-Айреса или Гаваны. Та же манера болтать по-французски или по-английски, то же бахвальство просвещенным космополитизмом, но лишь постольку, поскольку не приходится беседовать на чересчур серьезные или волнующие темы. (Вспомните эпизод из «Войны и мира», когда хозяйка дома резко обрывает спор Пьера с аббатом Морио о плане «вечного мира».) Беседы должны быть занимательными, но не должны рождать проблем, которые бы заставляли думать. Барышни выставляли напоказ свою красоту, ища «хорошей партии», причем брак часто заключался без обоюдного согласия будущих супругов. (Письмо княжны Марьи к Жюли Карагиной: «Как бы ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будет наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять их так верно, как могу, не заботясь об изучении своих чувств в отношении того, кого Он мне даст в супруги».)

Образ Долохова словно выхвачен из латиноамериканской жизни, какой она была лет тридцать назад. Усадьба Лысые Горы похожа — разумеется, отнюдь не по флоре — на огромные асьенды Кубы, Мексики, Венесуэлы, так хорошо знакомые нам в детстве. Шалости Наташи Ростовой с веером; слуги, подглядывающие через полуоткрытые двери гостиной, где граф Ростов пляшет «Данилу Купора», как наши слуги в прошлом подглядывали за господами, танцевавшими североамериканскую новинку — фокстрот; молодежь за пением сентиментальных романсов, стремящаяся забыть прозу жизни — тревоги о наследстве, придворной карьере, громкие титулы или позор незаконнорожденного; чудаковатый старик Болконский, преподающий своей дочке алгебру и геометрию и занимающийся физическим трудом, следуя идеям Руссо; игорные столы, тонкие вина, интриги и дуэли, обширные загородные имения с бесчисленной прислугой — весь этот мир, изображенный Толстым в первой части романа, хорошо знаком нам и перекликается с воспоминаниями детства и юности, только перенесенный на другой фон и в другие рамки. Мы отлично понимаем русскую действительность, выведенную Толстым, поскольку наша жизнь начала этого века была чрезвычайно похожа на нее. Этот мир очень похож на наш, так же, как еще совсем недавно жизнь наших провинциальных городов была похожа на ту, которую нарисовал Чехов в «Трех сестрах».

В первых главах великого творения Толстого почти не появляется народ. Но по мере того как война — фактор эпический — начинает выходить на первый план, появляется «общинная сила», все более могучая и активная, воплощенная, в том числе, и в фигуре Платона Каратаева. По мере того как растет и определяется эта «общинная сила», главные герои, те, в чьих руках, казалось, находятся судьбы масс, все более упускают из рук нити, управляющие ходом исторических событий. Наполеон и Александр — «люди, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие совершилось или не совершилось», были захвачены движением и увлечены массой: «Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила <...>, согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин».

Также и наша сравнительно короткая история, история испанских колоний, освобожденных полтора века назад, — а Куба освободилась каких-нибудь шестьдесят лет назад, — освобожденных, чтобы иной раз попасть под иго, столь же тяжелое, каким было испанское, — знает эту вспышку народных сил, незаметных, долгое время находившихся под спудом, однако бурных и неодолимых в войнах за независимость и в революциях. До 1910 года индейцам в мексиканской литературе отводилось весьма незначительное место. Однако стоило вспыхнуть революции, как этот массовый герой растет, становится гигантом, превращается в основную действующую силу, и с тех пор роман мексиканской революции показал в полном смысле слова новое лицо индейца. То же самое произошло с аргентинским «гаучо» в прошлом веке, с венесуэльским «льянеро» после кампаний Боливара и Сукре и с негром Карибских островов после двухсотлетней полосы бесчисленных восстаний на Ямайке, в Гаити, в Гвианах.

Я провожу эту аналогию между нашей историей и ходом событий в эпоху Толстого, чтобы показать, как способствует проникновению в мир литературного произведения действительность, сходная с изображенной в нем. Вот почему в Латинской Америке великое творение Толстого доныне не утратило своей былой популярности. Простой человек, уроженец затерянной в горах долины, житель безвестной деревушки или невзрачного городского предместья встает перед нами «вечным олицетворением

духа простоты и правды» — подобно Платону Каратаеву, который, быть может, неспособен к интимной привязанности — любви или дружбе, как их понимает Пьер Безухов, однако «любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком, — не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были перед его глазами». В наши дни эти простые люди вновь появились на сцене истории — они спустились с гор Сьерра Маэстры вместе с кубинской революцией.

Говоря о литературной технике, можно утверждать, что Лев Толстой был замечательным предшественником композиционной полифонии. Правда, не он ее изобрел, ибо французские беллетристы начала прошлого века, авторы «романов с продолжением», зачастую прибегали уже к этому приему. Однако интересно отметить, что этот прием, весьма действенный в авантюрном романе, где он позволял автору расширять рамки повествования, не скоро укоренился в серьезной литературе. Почти аристотелевское стремление к единству действия определяет структуру таких классических романов, как «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств» Флобера, произведений, написанных, примерно, в то же время, что и великие творения Толстого. А писатель, который не приемлет такую композицию, как правило, никогда не сможет достигнуть широты охвата жизни в романе, где одновременно рисуется мир Александра I и мир Наполеона, европейской дипломатии и русской знати, где, подобно хору древней трагедии, выступают народные толпы и армии в походе, где мы присутствуем на военных советах и заседаниях масонской ложи, где находится место и для мессианских идей Жозефа де Местра и для картин частной жизни, контрастирующих своей ограниченностью с великим свершением эпохи.

Писатели-романтики иной раз пользовались этим методом, однако не в таком масштабе. Кроме того, восхищаясь умением Толстого показать общее через детали. Целое сражение может быть передано описанием действий одной лишь батареи, небольшой эпизод раскрывает перед нами общий смысл исторического события. Писатель дает эскиз, набросанный словно мимоходом, прозрачную акварель, которой сам, кажется, не придает значения, — а перед нашим воображением разворачивается монументальная фреска. У Толстого мы находим приемы психологической характеристики, предвещающей наш современный стиль. Вспомним восхитительную тринадцатую главу из третьей части второго тома, где Наташа в ночной кофточке шаловливо забирается в постель матери, желая поговорить с ней о Борисе, и начинает целовать ее пальцы: «Январь, февраль, март, апрель, май...» Погружаясь в мир неосознанных эмоций, ощущая цвет как характеристику, она дает блестящие психологические портреты: Борис «узкий, серый, светлый»; Пьер же «темно-синий с красным». И дальше Наташа говорит о самой себе в третьем лице: «как... она мила», «воображая, — по словам Толстого, — что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина... Все, все в ней есть, — продолжал этот мужчина, — умна необыкновенно, мила и потом хороша, необыкновенно хороша, ловка, плавает, верхом ездит отлично, а голос! Можно сказать, удивительный голос!» Здесь героиня покидает собственное «я», чтобы увидеть себя со стороны чужими глазами. В этой главе виртуоз Толстой достигает непревзойденных высот художественного мастерства. У Толстого в «Войне и мире» это не просто частный прием, а строго выдержанная, последовательно проведенная техника композиции, которая помогла ему создать этот литературный *космос*, где равно значительны и микро- и макромир, где отдельный индивидуум и общественная практика движутся бок о бок.

В силу этого совсем недавно я рекомендовал молодым кубинским писателям роман «Война и мир» как прототип эпического романа, создание

которого действительно диктуется ходом нашей революции с ее многочисленными темами, которые должны быть раскрыты в своей взаимосвязи: подпольная работа в городах, партизанское движение в горах, жизнь в изгнании и заточении, разворот событий во вражеском лагере с его террором, разложением, роскошными отелями, игорными домами и приносящей огромные барыши грязной коммерцией, которую активно поддерживала тирания Батисты. Мне не представилось более блестящего образца для того, кто при наличии таланта захотел бы создать полотно из трех или четырех развивающихся одновременно повествований, воспроизводящих одну и ту же действительность. Я не пытался при этом утверждать, что для создания такой эпопеи мы непременно должны располагать гением, подобным гению Льва Толстого. Я лишь рекомендовал нашим писателям метод, примененный великим русским романистом для воссоздания эпохи во всей полноте ее событий, осмысленных творческим воображением.

Метод этот, прежде всего, заключается в скрупулезном сборе фактического материала, относящегося ко времени действия романа. Мы знаем, какую огромную роль сыграли изучение Толстым дневников и воспоминаний, дипломатической переписки и других подлинных документов, а также беседы с очевидцами в создании его романа, который, в частности, содержит места, взятые почти текстуально у Тьера. «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, — заявил нам сам Толстой в приложении к полному изданию „Войны и мира“, — я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг...» Однако Толстой проводит грань между тем, как должен поступать историк, собирая факты, и между тем, как, изучив досконально эти факты, должен над ними работать художник. «Историк, — говорит Толстой, — имеет дело до результатов события, художник до самого факта события».

Иным образом не может быть создан эпический роман. И если кубинской революции рано или поздно суждено отобразиться в эпопее, то нет ничего плодотворнее для будущего ее творца, как поразмыслить над методом Толстого — историка и художника — при создании «Войны и мира», произведения, рядом с которым все другие исторические романы, сколько бы их ни превозносили, кажутся устаревшими и фальшивыми как по форме, так и по содержанию.

Гавана, июль 1960.

«Иностранная литература», 1960, № 11, стр. 226—229. — Перевод с испанского.

ШОН О'КЕЙСИ

Ирландский писатель (1880—1964)

ВЕЧНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Не только необъятное небо может похвастать звездными россыпями, — у человечества тоже есть свои звезды, и некоторые из них могут поспорить по яркости с любой из звезд, сверкающих в заоблачной выси. В самых различных областях искусства — в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке и литературе — блистают, переливаясь разными цветами, бессмертные звезды. Среди литературных светил есть одна немеркнущая звезда, яркость которой год от года возрастает. Этот человек-светило — русский по национальности. Он известен нам под именем Льва Толстого.

Но что такое имя? Одно имя говорит так мало! Как ни назови розу, она не утратит от этого своего аромата, сказал Шекспир. Какое бы имя ни носил Толстой, он был бы так же велик. Само по себе имя мало значит.

«ВОЙНА И МИР» НА СЦЕНЕ ЛОНДОНСКОГО «ФЕНИКС-ТЕАТРА»
(«PHOENIX THEATRE»), 1943

Сценарий Роберта Лукаса, постановка Ю. Гельпера

Пьер спасает Рамбалья

Пьер — Д. Доусон, Рамбаль — П. Кэшинг, Макар — В. Флетчер, Герасим — Д. Уэллс

Фотография

Музей Толстого, Москва

Пусть оно даже овеяно славой и пользуется известностью чуть ли не в любом уголке мира. Просто знать имя и только — это совсем никуда не годится. Надо знать гораздо больше.

Отсюда следует, что, говоря о Льве Толстом, мы не должны ограничиваться одним повторением его имени, даже если мы будем делать это с почтением и благоговением, — Толстой ни в грош не ставил ни то, ни другое. Если бы существовала загробная жизнь и Роберт Бернс, поэт-пахарь, смог бы встретиться с Львом Толстым, они, по моему глубокому убеждению, отлично поладили бы друг с другом по одной простой причине: без лент и чинов человек может все-таки быть Человеком, каким был Робби Бернс, точь-в-точь так же, как и с лентами и чинами человек все-таки может быть Человеком, каким был Лев Толстой. И тот и другой горячо верили в братство людей, оба не покладая рук боролись за то, чтобы претворить его в жизнь, каждый из них был великим поэтом.

Иногда меня спрашивают: как вы думаете, почему произведения Толстого по сей день остаются такими же современными, как и тогда, когда они были написаны, почему его идеи находят путь к сердцам и умам стольких людей и, главное, в чем заключается «секрет» бессмертия его книг?

Так как О'Кейси не мастер раскрывать тайны, то, насколько это касается меня, «секрет» (если он вообще существует) так и останется неразгаданным. С таким же успехом можно было бы пытаться разгадать секрет бессмертной славы Шекспира. Подобные загадки никто не может разгадать, но зато факты очевидны и понятны каждому: и Шекспир, и Толстой были великими людьми, а у великих есть чудесное обыкновение жить в веках. Нам твердят, что драматург Шекспир и писатель Толстой давно умерли, и тем не менее эти великие люди, эти великие личности своего времени продолжают жить среди нас, укрепляя в наших современниках чувство собственного достоинства, мужество и любовь к прекрасному. Такова уж замечательная способность великих людей — они не только приносят славу своей собственной стране, но к тому же щедро дарят свои духовные богатства как своим соотечественникам, скажем, англичанам или русским, так и всем людям, желающим получить их.

«ВОЙНА И МИР» НА СЦЕНЕ ЛОНДОНСКОГО «ФЕНИКС-ТЕАТРА»
(«PHOENIX THEATRE»), 1943

Сценарий Роберта Лукаса, постановка Ю. Гельпера

Пролог: 1941 год; солдаты зенитной батареи, охраняющей Москву, вспоминают роман Толстого
Фотография

Музей Толстого, Москва

Толстой обладал на редкость глубоким и смелым умом и широчайшим кругозором. Он брался за разрешение самых сложных проблем. Разрешить многие из них оказалось ему не под силу, некоторые доставляли ему немало мучений, но он брался за разрешение каждой из них с мужеством, на которое способны немногие из нас. Его могучий интеллект отличался сложностью и многогранностью. На всем мышлении Толстого лежала печать поэтической одухотворенности. Такие умы в сочетании с поэтическим мировосприятием настолько редки, их значение для человечества так велико, что им не дано умереть. Любопытно, что все дурное и бесчестное обречено на погибель, и если его иной раз воскрешают в памяти, то делают это с содроганием, а все доброе и благородное сохраняется. Пусть это будет не абсолютное добро и не идеальное благородство, — все же это подлинное добро и подлинное благородство, которые окрыляют человека, придают глубину его мыслям и пробуждают в его груди непреклонную решимость продолжать вдумчиво и деятельно трудиться над тем, чтобы обеспечить нашему миру безопасность и сделать его более прекрасным.

Проблемы, над которыми в свое время ломал голову Толстой, ныне стоят перед нами, причем некоторые из них приняли еще более острый и угрожающий характер, — например, вопрос войны и мира. Черные дни разгула фашизма, обрушившего неисчислимые бедствия на многие страны, научили нас ненавидеть войну, и эта ненависть не угаснет никогда. Новая война привела бы к уничтожению жизни на большей части нашей планеты. Немудрено поэтому, что я, так же как и многие миллионы моих современников, разделяю страстное стремление Льва Толстого к миру и братству. Всю свою долгую жизнь Толстой искал истину так же упорно, как Петр-пахарь из поэмы Лэнгленда. Порой эти поиски проявлялись у него в форме, которая сегодня покажется кое-кому из нас странной, но, несмотря на то, что мы ищем истину иначе, мы, тем не менее, стремимся познать и отстоять ее.

Толстому была ненавистна так называемая благотворительность, вместо которой он требовал справедливого отношения к русскому крестьянину, а тем самым требовал справедливости для крестьян всего мира. Горя желанием облегчить долю русских крестьян, Толстой занимался народным образованием, делая все, что было в его силах, чтобы обучить крестьян грамоте — высокому искусству читать и писать.

Многие миллионы людей до сих пор находятся в тисках нищеты и невежества. Вполне возможно, что даже в наши дни они живут в худших условиях, чем самые бедные крестьяне во времена Толстого, причем такая картина наблюдается не только в Азии, Африке и Латинской Америке, но и совсем под боком. В Ирландии, в Дублинской и Килдерской епархиях римской католической церкви, остро нуждающимся беднякам было роздано четыре миллиона бесплатных обедов. Тысячи семей до сих пор живут в темных, мрачных и грязных подвалах, настолько непригодных для жилья, что рабочие, живущие в более сносных условиях, зовут людей, которые ютятся в этих дырах, «пещерными жителями». В Глазго есть район ужасающих трущоб — Горбелс, в живописном Эдинбурге бросаются в глаза ветхие сводчатые проходы с улицы во внутренний двор, темные и зловещие. В Лондоне и на севере Англии имеется множество таких же трущоб, где тысячи и тысячи семей обитают в конурах, в которых человеку жить не пристало. Отсюда явствует, что эпоха Толстого мало чем отличается в этом отношении от нашей и все сказанное тогда сохраняет злободневность поныне.

Придет время, и все, за что боролся Толстой и ради чего он трудился, найдет свое воплощение в честном, деятельном и разумном образе жизни, который воцарится повсеместно, как это уже произошло в Советском

Союзе и в других социалистических странах. Но даже когда наступит эта благословенная пора, Толстой останется такой же яркой звездой первой величины, как всегда...

«Литературная газета», 15 ноября 1960 г.— Перевод с английского.

УРХО КАЛЕВА КЕККОНЕН

Президент Финляндской республики (р. 1900)

О ТОЛСТОМ

Лев Толстой — один из величайших гениев мировой литературы. Широкие круги людей во всех странах мира знают его произведение, в которых он с бесподобным мастерством раскрывает перед нами душу русского народа. Как повсюду в мире, так и в Финляндии, Лев Толстой оказал большое влияние, и его произведения пользуются широкой популярностью.

Особая черта гения Льва Толстого — это его умение сочетать свой великий художественный талант со своим интересом к истории, обществу и людям. Его глубокое сочувствие ко всем страдающим и угнетенным вызывает в нас большое восхищение.

Можно вполне обоснованно задать себе вопрос, было ли когда-либо в мире написано другое столь величественное эпическое произведение, как «Война и мир» Льва Толстого, которое с такой исключительной яркостью показывает значение народов и простых людей в ходе истории.

Трудно сравнивать значение и величие отдельных писателей друг с другом, но без малейшего преувеличения можно сказать, что ни один из русских писателей не проник так глубоко в сознание мировой общечеловечности и не имел на нее такого большого влияния, как Лев Толстой.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г.— Перевод с финского.

ВОЛЬФАНГ КЕППЕН

Немецкий писатель (ФРГ; р. 1906)

БЛАГОРОДНЫЙ ГУМАНИЗМ

Лев Толстой, его великое искусство, его благородный гуманизм и мужественная общественная позиция с самой ранней моей юности были для меня удивительным и недостижимым примером.

Благодарный и взволнованный, посетил я дом Толстого в Москве и навсегда сохраню об этом воспоминание.

Мюнхен.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г.— Перевод с немецкого.

АРНОЛЬД КЕТТЛ

Об Арнольде *Kettl* см. выше, на стр. 231 настоящ. тома.

ГЛАЗАМИ НАРОДА

Думаю, что люди, интересующиеся проблемами гуманизма, повсюду в мире любят и ценят Толстого, потому что образы и ситуации, которые он воплотил, глубоко человечны и многосторонни. Почему он смог создать такие образы? Как литературный критик я вижу причину в том, что Толстой смотрел на жизнь как реалист, и не сверху, не с позиций привилегированного класса, а снизу, с точки зрения крестьянства.

Понимание Толстым реальной жизни своего времени гораздо важнее, чем его идеи. В этом Толстого можно сравнить с двумя его великими

предшественниками в развитии реалистического романа — Бальзаком и Диккенсом. В Англии всегда любили Толстого. Англичан, привыкших считать себя монополистами «здорового смысла», особенно привлекает в писателе его уравновешенность, отсутствие чего-либо крайнего, невротического. В книгах Толстого английский читатель находит много общего со своей жизнью. Писатель считал сближение между народами одной из важнейших задач литературы, и я думаю, что его произведения с успехом выполняют эту задачу.

«Советская культура», 19 ноября 1960 г.— Перевод с английского.

КРИШНА КРИПАЛАНИ

О Кришне *Крипалани* см. выше, на стр. 236 настоящ. тома.

ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Лично для меня Толстой — это величайший из романистов. Я не встречал писателя более, чем он, одаренного гением эпического повествования, такого настоящего реалиста и в то же время идеалиста, патриота и выразителя мыслей всего человечества. Я не знаю художника, который в такой степени посвятил бы свое творчество благу всех людей земли, как Толстой. Многие пишут, чтобы заинтересовать читателя. Книги Толстого не только занимательны — они расширяют наши горизонты, будят нашу совесть. Реализм Толстого воспитывает любовь к человечеству. Все человечество, а не какая-то лишь часть его, нашло свое отражение в романах Толстого.

«Советская культура», 19 ноября 1960 г.— Перевод с хинди.

КАРЛО ЛЕВИ

Итальянский писатель (р. 1902)

БЕССМЕРТНЫЙ ОБРАЗ МОЛОДОСТИ

«Когда приходится говорить о таком человеке, как Лев Толстой, может быть дозволено только почитание», — так писал самый крупный поэт современной Италии Умберто Саба, начиная работу над биографическим и психологическим очерком о жизни Толстого. Он добавлял, что над домом Льва Толстого «сияло солнце гения». Он называл Толстого «писателем тысячелетий».

Это восхищение, удивление перед величием и гигантской внутренней силой Толстого свойственно не только итальянскому поэту. Это свойственно всем тем, кто в его произведениях всегда ощущал творческое откровение, которое людей делает людьми, которое делает ощутимой действительность, которое сквозь мир, населенный бесконечным числом людей, сквозь мир действий, стремлений, радостей, печалей, сквозь мир национальных чувств великого народа следует за своей первой героиней — за правдой.

Конечно, Толстой является одним из немногих великих людей, которые раскрыли суть человека, расширили жизнь мира, обогатив его чем-то таким, чего раньше он был лишен. Поэтому представляется недостаточным говорить о нем в чисто литературных терминах, ибо он выходит за границы своего времени, за границы своих собственных теорий. Он раскрыл перед всеми людьми всех стран не только эпический и реалистический образ русского народа в его бесконечной сложности, он не только раскрыл мир крестьянина с его мудростью, его противоречиями,

ПАВЕЛ БИРЮКОВ И ЭДМОНДО
МАРКУЧЧИ
«ТОЛСТОЙ И ВОСТОК».
(МИЛАН, 1952)

Книга на итальянском языке
Обложка

PAOLO BIRUKOV EDMONDO MARCUCCI

TOLSTOI E L'ORIENTE

EDIZIONE ITALIANA — 1952

с его скрытой силой — одной из предвестниц революции, — не только свое время. Он дал миру то, что принадлежит и будет принадлежать всем временам, всем людям, всему человечеству.

В Италии Толстой стал популярным уже в начале века, когда его произведения начали переводить часто с неточных и плохих французских текстов. Однако и это не могло скрыть величия толстовского творчества. Да я и сам не могу отделить в памяти некоторые образы, созданные Толстым, от своих собственных первых впечатлений юности: энтузиазм, надежда, любовь с поразительной естественностью находили для меня свое первое выражение в образах «Войны и мира» или «Анны Карениной». Много лет спустя, в 1934 году, меня за антифашистскую деятельность посадили в туринскую тюрьму. В абсолютном одиночестве тюремной камеры, когда кажется, что жизнь течет вне времени и пространства, когда связь с действительностью кажется уничтоженной, Толстой помог мне больше, чем другой любой писатель. Случайно в тюремной библиотеке нашлось зачитанное до дыр — кто знает, сколькими поколениями заключенных, — старое издание его чудесного юношеского рассказа. И вот моя камера показалась мне местом, где возможно будущее, местом, где светлые мечты и думы живут и не умирают...

Безусловно, он дал нам бессмертный образ молодости, простое, искреннее чувство славы жизни. Он передал это людям нынешнего дня, которые в новом мире стремятся воплотить эту славу в деяния, в поступки, в братский мир сердец.

Рим.

«Правда», 23 ноября 1960 г. — Перевод с итальянского.

ЭТТОРЕ ЛО ГАТТО

Об Этторе Ло Гатто см. выше, на стр. 236 настоящ. тома.

НЕЗАБВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РЕАЛИЗМА

Впервые я приехал в Россию в 1928 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Льва Толстого. Мне хотелось своими глазами увидеть родину писателя, чтобы глубже понять его духовный мир.

В то время на Западе многие были увлечены Толстым, но не у всех укладывалось в сознании главное свойство его как человека и как писателя. Толстой, как никто до него, умел создавать произведения, в которых брал за образец самого себя, и в то же время стремился прожить свою жизнь по образцу своих героев. Именно эту черту гения Толстого имел в виду Стефан Цвейг, когда очень удачно назвал его «певцом своей жизни». Вне России еще лишь один критик, тоже писатель, дал такую же живую характеристику двойственной природы Толстого — Ромен Роллан. В дарственной надписи на томе «Жана-Кристофа», присланном в Ясную Поляну, он особо отметил, что видит в Толстом художника, который дал нам пример, как надо «говорить правду всем и самому себе».

Прошло уже пятьдесят лет со дня смерти писателя. За это время достигнуты большие успехи в критическом изучении его произведений, накоплено много новых сведений о его жизни. Личность Толстого — человека и писателя — воспринимается нами теперь во всем ее величии.

Толстой воплотил в себе важнейшую национальную особенность русской литературы — ее привязанность к народу. Этой черте он сумел придать универсальное значение. Вот почему Толстой стал образцом писателя и после революции 1917 года. Вот почему В. И. Ленин восторженно говорил о нем М. Горькому: «Какая глыба... Какой матерый человечек!»

Беспощадная требовательность к себе как к художнику привела Толстого к тому, что он в 1880-е годы даже отрекся от всей своей предыдущей литературной деятельности. Однако, если он смог пойти на такой «великий отказ» («gran rifiuto» — выражение Данте), то это не значит, что за ним должны следовать и его читатели. В произведениях «Война и мир», «Анна Каренина» и «Смерть Ивана Ильича» мы находим образы, не менее убедительные с моральной и социальной точек зрения, чем в популярных рассказах, написанных писателем после 1880 года.

Общепризнанно, что в истории русской и европейской литератур Толстой играет роль главного учителя реализма второй половины XIX века. А сказать это о русском писателе той эпохи, которая знала Тургенева, Достоевского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, значит признать за Толстым превосходство, которого на Западе не имели ни Бальзак, ни Гюго, ни Диккенс, ни Стендаль, ни Флобер.

Произведения Толстого отличаются необыкновенной глубиной содержания, любовью к предмету и превосходной техникой. Эти качества великий писатель считал необходимыми для любого литературного труда.

С момента моего первого посещения Ясной Поляны прошло тридцать два года. За это время я неоднократно возвращался мысленно к могиле Толстого, где беспокойный дух писателя нашел свое земное спокойствие. Сейчас к Ясной Поляне снова прикованы взоры всех почитателей великого писателя. И я еще раз думаю о моем первом посещении и не могу не вспомнить слов, записанных великим писателем в своем дневнике незадолго до смерти. Смысл их примерно в следующем: чтобы верить в бессмертие, нужно прожить и на этой земле бессмертную жизнь.

Гений Толстого не только в силе его ума, глубине чувства, в художественном совершенстве его творений. Главное достоинство его как писателя-реалиста — в напряженных усилиях объяснить социальные основы зла, против которого так страстно протестуют его книги. Именно это делает его близким и понятным нам, зарубежным читателям.

«Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 19 ноября 1960 г.— Перевод с итальянского.

АРТУР НИЛЬС ЛУНДКВИСТ

Шведский писатель (р. 1906)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Последнее и самое сильное впечатление от Толстого я получил несколько лет назад во время посещения Ясной Поляны. Восхищение Толстым — писателем и человеком — захватило меня тогда целиком. В усадьбе все еще свежа память о нем — сильном и глубоком человеке, о его великой судьбе, постоянных исканиях и беспокойстве. Еще ярче почувствовал я там его произведения. Передо мной прошли незабываемые герои из его рассказов, широкие картины общественной жизни из «Войны и мира» и трагические судьбы отдельных людей из «Анны Карениной».

Стокгольм.

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г.— Перевод с шведского.

ФРАНСУА МОРИАК

Писатель, член Французской академии (р. 1885)

О ТОЛСТОМ

Над гигантским массивом европейской прозы в моем представлении всегда господствовали две вершины: Бальзак и Толстой... Но нет, такой образ неточно отражает ту мысль, которую я хочу выразить: Толстой, как и Бальзак, создал целый мир, но мир обетованный, мир, в который мы входим, из которого мы выходим, куда мы вновь и вновь возвращаемся в течение своей жизни.

Я не могу сказать, что я прочел «Войну и мир»; в действительности я будто жил среди героев этого романа большую часть своей молодости. Семья Ростовых была мне ближе, чем большинство моих живых друзей, и я искал Наташу Ростову во всех девушках, в которых влюблялся в те годы.

Гений Толстого поражает мое воображение особенно тем, что, воскресив в «Войне и мире» целую историческую эпоху, он одновременно в образах своих героев отразил в этом романе судьбу России далеко за пределами той эпохи. Но его гений проявился с такой же силой и в таких чудесных коротких произведениях, как «Смерть Ивана Ильича».

Добавлю, что по своим взглядам я являюсь христианином и католиком. Толстой всегда был для меня одним из голосов моей совести. Еще в дни моей молодости он мне указал, что важно изменить человека, изменить самого себя, чтобы изменить мир.

Париж

«Правда», 21 ноября 1960 г.— Перевод с французского.

НАКАМУРА ХАКУЁ

О *Накамура Хакуё* см. выше, на стр. 232 настоящ. тома.

В ПЕРЕВОДАХ НА ЯПОНСКИЙ...

Приглашение Союза писателей СССР принять участие в толстовских днях дало мне возможность побывать в Москве, о которой я мечтал так долго.

Больше половины жизни я занимаюсь переводами произведений Толстого. Сейчас я занимаюсь переводом и подготовкой к выпуску в свет восемнадцатитомного собрания сочинений Толстого. Я стремлюсь передать на японском языке его удивительно тонкие и вместе с тем глубокие мысли. До сих пор я успел перевести и выпустить в свет шесть томов и думаю, что в ближайшие годы мой труд будет завершен.

Недавно я получил письмо от одного восьмидесятилетнего читателя. Вот что он написал: «Я горячий почитатель произведений Толстого. Я уже стар, и, возможно, смерть помешает мне увидеть ваш труд завершенным. И все же я с удовольствием приобретаю книги Толстого в вашем переводе, и если я не смогу прочесть их сам, то оставлю их как великую память моему внуку».

Для многих и многих японцев Лев Толстой — самый великий писатель.

«Литература и жизнь», 20 ноября 1960 г.— Перевод с японского.

ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ

Ученый, общественный и государственный деятель,
президент Чехословацкой Академии наук (1878—1962)

ВЕЛИЧИЕ И ЧИСТОТА

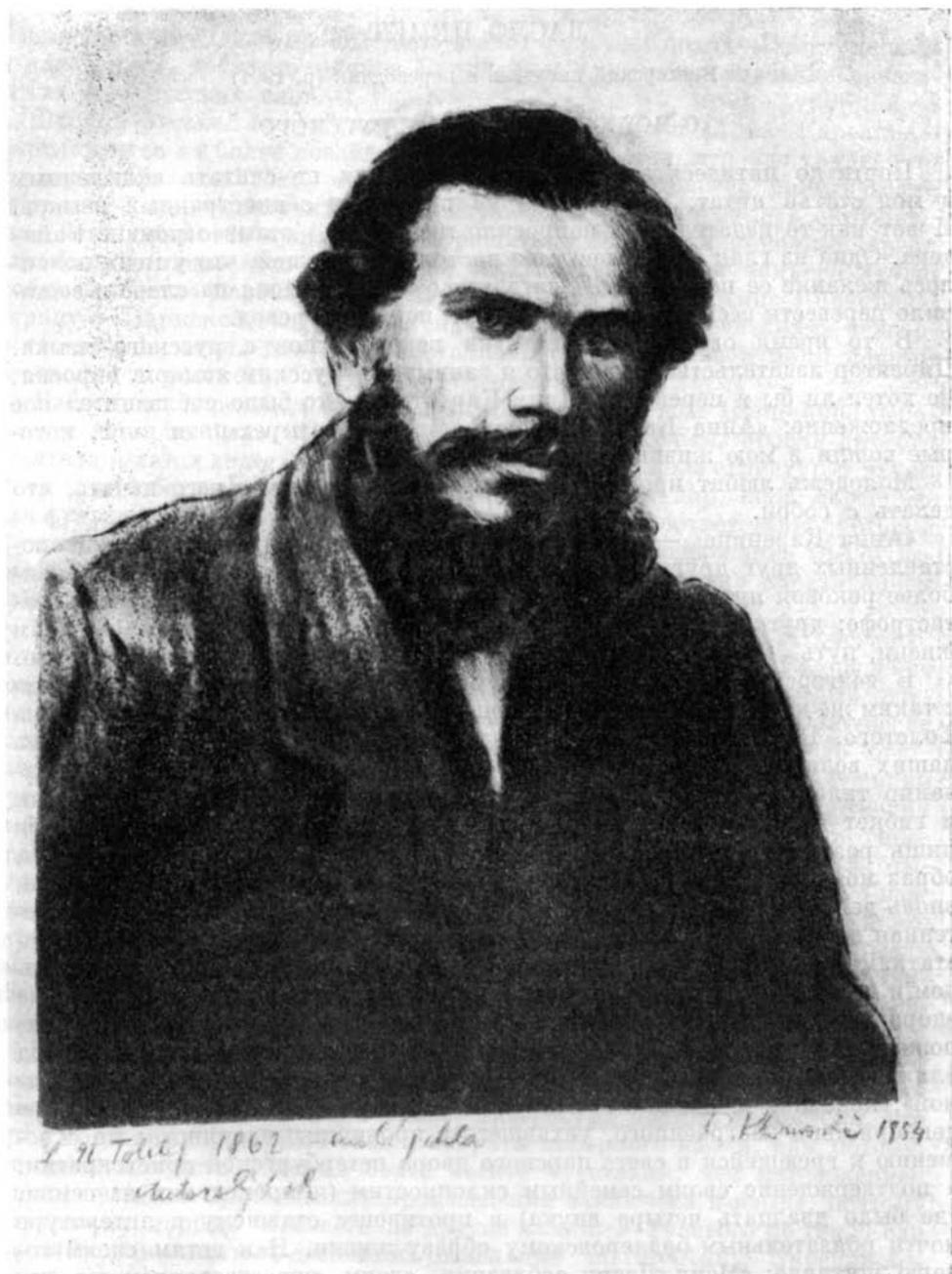
Пятидесятилетие со дня смерти Л. Н. Толстого, несомненно, вызовет большой отклик в Чехословакии как среди чехов, так и среди словаков. «Война и мир» уже почти сто лет назад стала любимой книгой самых широких слоев наших читателей и тем самым одним из основных произведений, которые богатством своего содержания — в отличие от наших «французов», тяготеющих скорее к развлекательности, парадности, пикантности в форме и содержании, — помогли создавать наш современный национальный характер. Вот поэтому-то «Война и мир» у нас значительно более популярна и имеет большее влияние, чем «Анна Каренина», при всем нашем уважении к ее художественным достоинствам и ценности.

Это убеждение и побудило меня, молодого научного работника — историка, занимавшегося в московских архивах в 1900 году, поехать в Ясную Поляну и прямо поговорить об этом с Толстым. И Толстой не только согласился, но и развернул передо мной философию истории книги «Война и мир», которую я сравнивал с тем, что было во мне от характера князя Андрея, лежащего раненым на Славковском поле у нас в Чехии и думающего о мире и его законах.

Толстовские теории и стремление преобразовать мир непротивлением злу под могучим дыханием «Войны и мира» отошли у нас на задний план, и тем самым этот шедевр, это выдающееся произведение сияет у нас во всем своем величии и чистоте.

Прага.

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г.— Перевод с чешского.

ТОЛСТОЙ

Офорт чешского художника Рудольфа Климовича с его автографической подписью

Выполнен для издания: «Spisy Lva Nikolajeviče Tolstého», t. III. Praha, 1955

Предоставлен «Литературному наследству» художником (Прага)

ЛАСЛО НЕМЕТ

Венгерский писатель и переводчик (р. 1901)

О МОИХ ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО

Почти до пятидесятилетнего возраста, если не считать включенных в мои статьи цитат, я ни слова не переводил с иностранных языков. И вот как-то издательство попросило меня дать отзыв о романе Уайлдера. Одна из глав показалась мне настолько хорошей, что у меня появилось желание ее перевести. Издательство поймало меня на слове и заставило перевести весь роман. Это был мой первый перевод.

В то время ощущалась нехватка переводчиков с русского языка. Директор издательства, зная, что я занимаюсь русским языком, спросил, не хотел ли бы я перевести «Анну Каренину». Это было соблазнительное предложение: «Анна Каренина» — одна из тех четырех-пяти книг, которые вошли в мою жизнь с самой молодости.

Молодежь любит произведения; дающие ей совет, с чего начать, что делать с собой.

«Анна Каренина» — это история двух идущих рядом, но противопоставленных друг другу жизненных путей. Один — наиболее яркий, наиболее роковой путь, путь Вронского и Анны, который приводит их к катастрофе; другой — обыденный, следующий патриархальным законам жизни, путь Левина и Кити, приведший их к тихому семейному счастью.

В венгерской литературе в дни моей молодости вышло два романа с таким же композиционным построением, что и в «Анне Карениной» Льва Толстого. Первый — роман Жигмонда Морица «Трансильвания», один из наших величайших исторических романов-шедевров. Блестящий, необычайно талантливый, окруженный хоромом женщин князь Батори так и гибнет в конце концов великосветским щеголем, оставив после себя лишь развалины; трезвый же Габор Бетлен, любитель книг и ремесел, образ которого является выражением гуманистических идей автора, вновь делает Трансильванию полным ульем. Вторым романом была «Сметенная деревня» Деже Сабо; это произведение, страдающее многими недостатками, контрастными красками рисовало противоречие между городом и деревней, подчеркивая разложение городской культуры и ратуя за здоровый быт патриархально-усадебной жизни, и поэтому в свое время, пожалуй, и было особенно популярно. Однако я всю жизнь находился под влиянием двух жизненных путей, воспринятых мной из «Анны Карениной»; конечно, в поединке Вронский — Левин я искал не антипатию декабристски настроенного, уехавшего в провинцию дворянства по отношению к греющейся в свете царского двора петербургской аристократии, а подтверждение своим семейным склонностям (я происходил из семьи, где было двадцать четыре внука) в противовес ставшему в литературе почти обязательным бодлеровскому образу жизни. Я и детям своим говорю шутливо: «Меня Левин соблазнил, своим существованием вы ему обязаны».

Но помимо того, что «Анна Каренина» стала для меня подлинным учебником жизни, она стала и моим учебником языка. Я начал учиться русскому языку более тридцати лет назад, главным образом для того, чтобы читать русских классиков в оригинале. Толчок для более глубокого изучения русского языка дало семейное волнение: наш первый ребенок умер, и врачи подготавливали нас к тому, что при рождении второго придется прибегнуть к кесареву сечению. В последний месяц, возвращаясь со службы, я был не в состоянии чем-либо заниматься. И только изучение языка, поиски слов, вышелушивание из них смысла обладало для меня таким же успокаивающим действием, как для наших матерей вязанье,

вышивка; и вот (дело происходило в 1931 году) на полях «Преступления и наказания», добытого мной в Берлине, я выписывал значение неизвестных мне русских слов.

Второй русской книгой, прочитанной мною, была «Анна Каренина». Я отложил ее на более позднее время, так как думал, что она труднее по словарю. Но оказалось, что это не так. Позднее, когда политические перемены в мире увеличили число изучающих русский язык и окружающие меня люди все чаще стали обращаться ко мне за помощью (среди них были и такие, кто сейчас уже знает русский язык намного лучше меня), я обычно перечитывал с ними этот роман. Так «Анна Каренина», наряду с «Пармской обителью» Стендаля, а также произведениями венгерских авторов, стала для меня настольной книгой, стала и моим первым переводом с русского.

Работа над переводом заняла чуть ли не целый год. Принципов перевода у меня не было, я переводил так, как писал сам. Мысль другого писателя я хотел видеть воплощенной во фразы такой же структуры, какой были мои собственные. И я не успокаивался до тех пор, пока переводимая фраза не удовлетворяла той тайной гармонии, в соответствии с которой я черкал, дополнял, расширял, когда писал сам. Содержание фразы давало ее очертания, а работа инстинкта, которую я называл переливанием крови, вносила в нее живое биение.

Порядок слов в венгерском языке во многом отличается от русского, хотя он тоже не постоянный, в отличие от западных языков. Нахождение подлинно венгерского порядка слов во фразе, передающего каждый оттенок мысли, даже при наличии большой практики удается только после долгих поисков. При переводе произведений Льва Толстого дело отягчается тем, что он довольно часто использует причастные конструкции русского языка, и поэтому во время построения венгерских предложений мне приходилось делить его фразы на части (в том числе и придаточные предложения), и контрольный редактор, жалуясь, вынужден был отыскивать слова Толстого в самых противоположных концах фразы. Главные предложения, конечно, тоже приходилось расчленять. Делал я это скрепя сердце, потому что объем фразы — т. е. какого объема мысль выкапывает писатель ковшем экскаватора и на какую высоту ее поднимает, — я считаю весьма характерной особенностью писательского мышления и метода.

Есть у языка Толстого и другая особенность, над которой у венгерского переводчика были причины задуматься. У нас (потому ли, что наша литература, в первую очередь, литература поэтов, потому ли, что наши прозаики стремились спасти обороты народного языка, или потому, что наше искусство вообще более богато чувствами, чем напряжением мысли) ценность прозаических произведений заключена в языке, поэтому и трудно их хорошо перевести на другие языки. У Толстого не так. Если кто-либо как читатель вспомнит отдельные части «Анны Карениной», яркий свет зальет его глаза; если же он пройдет по роману до конца как переводчик, то увидит, что язык Толстого гораздо нейтральнее, чем он думал. Значит, свет излучает здесь не язык, а то, что автор показывает. Толстой не хотел втискивать свой стиль между изображаемой жизнью и читателями, расцветивать, звенеть словами, как какой-нибудь Шатобриан. Толстой заботился скорее о том, чтобы вообще стереть свой стиль или сделать его прозрачным, как стекло в витрине, иногда даже он как бы находил удовольствие в том, что вносил в свою речь некий привкус поучения, это воспринимается читателем тем более легко, что он чувствует, что здесь гигант объясняет сидящим у него на ладони человечкам то из своего познания, что считает постижимым их уму и полезным для их морали.

Художественная проза, как и наука, сообщает об открытиях, но как научные открытия становятся общедоступными только на определенном профессиональном языке, так и у литературы есть некий проходящий сквозь национальные литературы «профессиональный» язык, от которого зависит судьба содержания, в том числе и возможности перевода. Толстой и другие русские писатели создавали свои творения на языке, имеющем всеобщее воздействие, и в этом заключается одна из тайн успеха русской литературы; другая тайна состоит в том, что аналитический метод, сложившийся в западном романе, они впервые применили для изображения жизни огромного народа, который в массе своей жил вне Европы.

Это объясняет (кроме исключительного таланта Толстого) второе и для меня, пожалуй, наиболее удивительное свойство «Анны Карениной». Признак совершенства социальных романов состоит в том, что с течением времени они становятся романами историческими. Тот, кто рисует широкую картину своей эпохи и в ней подчеркивает поистине существенное, в конечном итоге проделывает с настоящим ту же самую работу, что история с прошлым. Среди известных мне книг в романах Стендаля и в «Анне Карениной» более всего присутствует это исторически действенное видение настоящего. Романы Стендаля рассказывают нам о невозвратно ушедшем в прошлое периоде между Венским конгрессом и революцией 1830 года; такой же полной, сверкающей миллионами подробностей исторической картиной лет, предшествующих русско-турецкой войне, является и «Анна Каренина».

* * *

У нас уже в ту пору вошла в практику советская система редактуры переводов, и моим редактором стал один из лучших переводчиков с русского языка, человек, давший венгерскому народу Тургенева и «Онегина», не только превосходный поэт, но и педантичный учитель, который наклеивал на перепечатанные страницы моего перевода бумажные ленты и на них цветными карандашами делал пометки. Часть их, конечно, была оправданной, и я принял их, однако о том, как, отшлифовывая фразу за фразой, сделать язык живым (а именно за это и боролся переводчик), его ленты не говорили. Публика же, которая вообще читала, руководствуясь лишь инстинктом, приняла перевод именно за живой язык, и, пожалуй, здесь и кроется причина того, что «Анна Каренина» стала одной из наиболее читаемых в Венгрии книг.

Успеху этой книги я обязан тем, что после ее перевода я еще почти год провел в обществе Толстого. О том, что дал мне этот год в области совершенствования техники перевода, я написал в большой статье осенью 1956 года («Подмастерье у Толстого»). Следующим моим переводом из Толстого была его автобиографическая трилогия. Эта книга тоже издавна любима в нашей семье. Молодым отцом я стремился составить библиотеку своих детей из лучших книг, и хотя это удавалось не всегда, все же несколько больших писателей, и среди них Толстой, уже в ту пору стали их друзьями. Русские имена — Сережа, Любочка, Катенька — тогда же укоренились в нашей семье, а описание смерти матери или история Карла Иваныча стали для всех нас ранним испытанием чувств.

К переводу трилогии, следуя русскому изданию, мы присоединили ту часть «Воспоминаний», в которой старый Толстой описывает изображенное там время.

Толстой, как известно, был недоволен этим своим ранним произведением и не щадил себя, разоблачая в нем писательское тщеславие, лживость. А в действительности эта несомненно автобиографическая книга в высшей степени правдива. Тем, что трилогия сама так блестяще защи-

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ
РАССКАЗЫ». ВЕНГЕРСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ (БУДАПЕШТ, 1960)

Художник Дьорь Миклош
Суперобложка

щает себя от гнева Толстого и подчас пользуется бóльшим читательским доверием, чем поздняя реконструкция действительности, стоившая многих мучений, писатель обязан реализму, неразрывно связанному с его именем. Ибо реализм великих реалистов — это не столько извлеченное из какого-либо опыта знание, сколько внутреннее чувство, которое постоянно, шаг за шагом, занято отбором — так правдиво, так можно, так нельзя — и инстинктивным решением возводит, цементирует мир, делает его настолько крепким и убедительным, что с ним не может соперничать самое скрупулезное воссоздание действительности. Это чувство обычно проявляется в молодости, например в первом романе Томаса Манна оно чувствуется особенно сильно. В автобиографической трилогии Л. Н. Толстого оно предельно убедительно дает себя знать, то же можно сказать о «Крейцеровой сонате» и «Воскресении».

Автобиографическая трилогия дает возможность обратить внимание на руссоистскую жилку в этом великом эпике — Гомере нового времени. Левин, как мы помним, появляется в «Анне Карениной» как смущенный, попавший в дурное общество провинциал. Это смятение мы видим в маленьком герое трилогии, он живет в этом смятении, стремится подсмотреть его у других людей, разгадать их тайну; прислушиваясь к их словам, он надеется найти выход из этого смятения, побороть его.

Позднее Толстого всегда привлекали находившиеся в смятении люди (он ожидал найти истину в наиболее сложных эпизодах их жизни) и не только как романиста. Если Достоевского называют родоначальником современной психологии, то Толстой, этот человек со скуластым крестьян-

ским лицом, стал пионером нового, более богатого в оттенках биологического взгляда на человека: он показал, что между самыми мельчайшими физическими приметами личности и ее поведением существует такое строгое соответствие, природу которого наука постигла пока еще в незначительной степени. Этим объясняется также и то, что характеристики, которые Толстой дает себе и другим, в своей неожиданной простоте иной раз производят впечатление шуток.

После трилогии мне поручили переводить произведения Толстого, написанные им в преклонном возрасте: все его драмы и многие из повестей и рассказов, среди них «Крейцера соната», «Отец Сергей», «Хозяин и работник». Из его пьес мне ближе всего та, которая изображает это борение непосредственное всего, чуть ли не на грани смешного: «И свет во тьме светит». Что касается «Власти тьмы», то я не знаю, создал ли кто-нибудь более совершенную крестьянскую драму. Жаль, что режиссеры нашего времени не очень-то осмеливаются вторгаться в эту «тьму». У нас, где «Плоды просвещения» имели довольно большой успех, даже и не пытались поставить «Власть тьмы». Но и в Москве, где я видел эту драму и где без всяких компромиссов хранят принципы чеховского театра, тоже пытаются разжижить ее. Любимицей сцены, как я вижу, все еще является «Живой труп», драма, хотя ее писал и Толстой, носящая все же несколько сенсационный оттенок.

Из рассказов я полюбил больше всего «Отца Сергея». Разоблачение жажды славы и отчаянное внутреннее терзание героя рассказа, пожалуй, потому так захватило меня, что как художник я знаю те пути, по которым считавшееся изгнанным тщеславие возвращается вновь и вновь; как педагог я познал и то счастье, которое дает нам не ждущая награды щедрость.

Что касается «Крейцеровой сонаты», то она не вызвала бы, как мне кажется, и половины возражений и неприязненных отзывов, если бы в рассказе возбужденного попутчика видели бы не только взгляды Толстого, но и превознесение убийцы. Такому пониманию этого произведения я и стремился следовать в своем переводе...

Тихань (Венгрия), август 1960 г.

«Иностранная литература», 1960, № 11, стр. 219—225. — Перевод с венгерского.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Премьер-министр Индии (1889—1964)

ТОЛСТОЙ И ИНДИЯ

Лев Толстой принадлежит к числу тех европейских писателей, чье имя и произведения пользуются в Индии, пожалуй, наибольшей известностью. Объясняется это не только высокими достоинствами произведений Толстого, но и духовным сродством между ним и нашим руководителем Махатмой Ганди, который горячо восхищался Толстым и находился под его влиянием в период своего формирования как личности.

Поэтому я рад воздать должное этому великому русскому писателю и выразить уважение к его памяти в связи с пятидесятилетием со дня его смерти. Он относится к числу очень немногих, избранных писателей мира, чья память нетленна, и, хотя со дня смерти Толстого прошло уже полвека, его учение и память о нем всё еще живут в наших сердцах.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г. — Перевод с английского.

ТРАКТАТ «ТАК ЧТО ЖЕ НАМ
ДЕЛАТЬ?» НА ЯЗЫКЕ СИНДХИ
(Пакистан, б. г.)

Обложка

АРТУР ОМРЕ

Норвежский писатель (р. 1887)

ПОЖЕЛАНИЯ НОРВЕЖЦА

Произведения Льва Толстого на протяжении десятилетий выпускаются многими норвежскими издательствами. Его романы и рассказы любит и читает большинство норвежского народа. Книги Толстого, особенно «Войну и мир» и «Анну Каренину», можно найти в любой норвежской библиотеке.

Критики в Норвегии, как и во всем мире, высоко ценят художественные произведения Толстого, отмечая их высокое мастерство и величие.

Я больше всего восхищаюсь очерками и рассказами времен Крымской войны и страницами «Войны и мира». Толстой показывает не героическую сторону войны, а как трезвый человек разоблачает ее ужасы. Наполеон не был его героем. Нет... Во время последней войны с фашистской Германией Лев Толстой был поддержкой норвежскому народу. Тайком и с радостью мы читали его в годы оккупации. Гитлер запрещал нам читать Толстого.

Лев Толстой выступал за мир и сотрудничество между народами. И в день его юбилея мне хочется передать от себя лично и от многих норвежцев сердечный привет великому русскому народу. Поверьте мне, что большинство норвежского народа хочет мира и сотрудничества между всеми народами на земле.

«Литературная газета», 15 ноября 1960 г. — Перевод с норвежского.

УИЛЬЯМ САРОЯН

Американский писатель (р. 1908)

ГЕНИЙ

Толстой представляется мне гигантом в области писательского искусства, но еще бóльшим гигантом — в искусстве гуманизма. Прежде всего он велик; это человек огромных масштабов. Своими книгами он приблизил к нам человеческую душу и показал ее в увеличенном виде, а мы знаем, что, по сути дела, она неизмерима, бесконечно изменчива и разнообразна во всех своих проявлениях.

Из книг Толстого люди — и простые и сложные — узнали свою истинную сущность, причем Толстой считал (и часто показывал), что сущность эта — у всех общая. Каждый человек — неповторимый, полный парадоксальных сочетаний, сложный индивидуум и в то же время — часть коллективной души, общей не только для рода человеческого, но и вообще для всего живого.

Его книги наводят на мысль, что каждый человек — одновременно и зверь, и ангел, существо безмозглое и мудрое.

Собственная его жизнь, после того как он отстранился от писательства, была, по существу, героической, хотя и эксцентричной; однако эксцентричность эта всегда была вдохновенной и доброй. Она вызывалась желанием, чтобы люди, мыслью о которых он постоянно был одержим и которых любил страстно, пробудились умственно и духовно, чтобы они избавились от гнета как внешнего, так и внутреннего, т. е. как от тягот мира, скверно устроенного и еще хуже управляемого, так и от ограничений, вытекающих из свойств человеческой личности. Он хотел сам расти непрерывно и видеть непрерывный рост всех людей.

Он стремился воплотить в себе наибольшее, что дано человеческому существу, и хотел, чтобы каждый человек в России, а значит, и во всем мире, смог действительно стать самим собой, а не карикатурой на самого себя, смог вершить свою собственную судьбу и судьбу своей нации, культуры и общества.

Толстой сыграл очень важную роль в моем формировании как писателя, но, пожалуй, он больше влиял на меня как живой человек.

Его книги, так же как и книги всех других писателей, я читал довольно бессистемно, но зато о нем самом я прочел всё, что только сумел достать, потому что мне необходимо было знать — какой он; когда же я узнал его, то полюбил еще больше. Я продолжал любить его даже после того, как прочел воспоминания Горького, который пишет, что Толстой с его непомерно разросшейся личностью — чудовищное явление. Это не испугало и не оттолкнуло меня. Мне кажется, я понял, что Горький имел в виду: по сравнению с другими Толстой был просто гигант, и, анализируя собственную душу (с тем, чтобы понять человеческую душу вообще), он проявил при этом жестокость и беспощадность специалиста, который несколько помешался от любви, тревоги, печали, гнева и даже ярости...

Больше всего мне нравились его дневники, ибо в них он представал передо мной как живой человек. Он никогда не был глубоким мыслителем, но это к лучшему, так как глубоких мыслителей в мире всегда было более чем достаточно. Но он обладал глубокой, извечной мудростью всего живого, словно при рождении ему уже было больше миллиона лет; в известном смысле так оно и было, и это можно сказать о всяком человеческом существе. Толстой принадлежал всему человечеству и был связан с ним тем более тесными узами, что сам он был русским до мозга костей.

Все американцы, которых я знаю, если они только вообще что-нибудь читают, непременно читали и продолжают читать и любить книги Толстого — его замечательные романы, прекрасные рассказы, его философские статьи (нередко чудаковатые, но все же очень важные, ибо они свидетельствуют о его решительной борьбе за правду, справедливость и человеческое достоинство), его дневники, письма и труды о нем.

Все американцы, которых я знаю, чтят Толстого как своего личного друга, как мудрого, старого дядюшку, временами чудного и резковатого, но неизменно движимого любовью. Его гений был гением всего человечества, воплотившимся в одном могучем человецище; по-видимому, он сознавал это, и потому его глубоко ранило все то, что ранило людей в любом уголке земли.

Дождется ли когда-нибудь человечество второго Толстого? Нет, конечно, не дождется. Но оно всегда будет находить свое коллективное воплощение во многих разнообразных индивидуумах, которые, подобно Толстому, будут хранить верность людям.

Париж, ноябрь <1960 г.>.

«Литературная газета», 24 ноября 1960 г.— Перевод с английского.

ЭПТОН СИНКЛЕР

Американский писатель (р. 1878)

ТОЛСТОЙ

Ничто не может доставить мне большей радости, чем возможность отдать дань уважения памяти Льва Толстого.

Первой его книгой, которую я прочел, было «Воскресение». Впечатление было такое, будто я сам побывал на русской земле и своими собственными глазами видел ужасы царского режима. Эта книга научила меня всему, что было необходимо мне знать для восприятия надвигавшейся революции.

Скоро я прочитал «Что такое искусство?», и у меня было такое чувство, будто я сам написал эту книгу. Мои труды по искусству были своего рода продолжением этой работы, приближающим ее к современности.

Я читал только некоторые части «Войны и мира», и сейчас, в возрасте восьмидесяти двух лет, все еще мечтаю о том, чтобы прочитать ее полностью.

Удивительное мужество Толстого в осуждении ненавистной тирании царизма — вот что привлекло меня к нему. Конечно, трудно было расправиться с аристократом, человеком с мировым именем, но тем не менее Толстой рисковал. Его слова, как удары грома, разносились по всему миру.

Он любил справедливость и он жалел людей, вслепую бредущих в поисках счастья.

Он избежал участи быть свидетелем двух самых ужасных войн за всю историю человечества. Он стал частью моей души, и он наблюдал эти события моими глазами, выстрадал их моим сердцем, взывал моим голосом и моим пером.

И сейчас он взывает ко всем людям в Советском Союзе и в моей стране и во всех других странах избежать ужасной трагедии ядерной войны, которая низвергнет на нас проклятия всех жертв будущего.

Калифорния.

«Правда», 21 ноября 1960 г.— Перевод с английского.

ЧАРЛЗ ПЕРСИ СНОУ

Английский писатель и ученый (р. 1905)

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ РОМАНИСТОВ

Начну с категорического утверждения. Толстой — величайший из романистов, а «Война и мир» — лучший из написанных по сей день романов. Среди английских литературоведов и писателей эта точка зрения является общепризнанной вот уже лет пятьдесят. Для людей моего поколения это всегда было непреложной истиной. Читая романы Толстого в переводе, мы знаем их почти так же хорошо, как и вы. С попятным вам волнением входя в здание Союза советских писателей, мы вспоминали о том, как готовилась Наташа к своему первому балу*. Мы с женой специально решили путешествовать из Москвы в Ленинград поездом, а не самолетом, так как именно этой дорогой ехала Анна Каренина.

Подобные литературные ассоциации окружали нас со всех сторон, и, дав им сейчас волю, я быстро бы вам надоел. Ведь вам они хорошо знакомы, а нас они волновали, как волнует запах дыма от сжигаемой листвы в саду, вызывая воспоминания детства. С Москвой и Ленинградом у нас связано столько литературных ассоциаций, навеянных творчеством не только одного Толстого, но и других ваших великих писателей, что нам

WAR AND PEACE

a novel by Leo Tolstoy

translated from the Russian

by Louise and Aylmer Maude

with a special introduction for this edition

by Aylmer Maude

illustrated with lithographs and drawings

by Barnett Freedman

VOLUME ONE

GLASGOW

Printed for the members of The Limited Edition Club
at The University Press

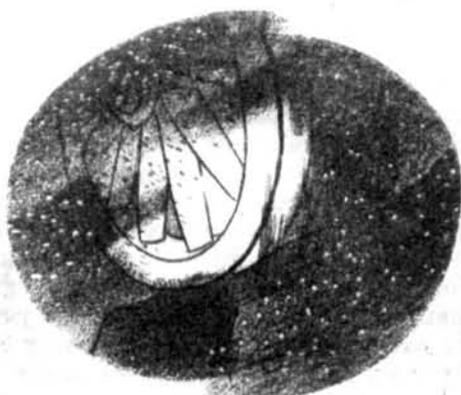
1938

«ВОЙНА И МИР». АНГЛИЙСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ (ГЛАЗГО, 1938)Художник Барнет Фридман
Титульный лист первого тома

* Правление Союза писателей СССР помещается в Москве на ул. Воровского (бывшая Поварская) в доме № 52, описанном, по преданию, Толстым в «Войне и мире» как «дом Ростовых». — *Ред.*

«ВОЙНА И МИР».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО
ХУДОЖНИКА БАРНЕТА
ФРИДМАНА

Из книги: «War and Peace. A Novel
by Leo Tolstoy». Glasgow, 1938.

§ 1

The battle of Borodino, with the occupation of Moscow that followed it and the flight of the French without further conflicts, is one of the most instructive phenomena in history.

All historians agree that the external activity of states and nations in their conflicts with one another is expressed in wars, and that as a direct result of greater or less success in war the political strength of states and nations increases or decreases.

Strange as may be the historical account of how some king or emperor, having quarrelled with another, collects an army, fights his enemy's army, gains a victory by killing three, five, or ten thousand men, and subjugates a kingdom and an entire nation of several millions, all the facts of history (as far as we know it) confirm the truth of the statement that the greater or lesser success of one army against another is the cause, or at least an essential indication, of an increase or decrease in the strength of the

трудно увидеть эти города по-новому. Такая же история получается и с романами Толстого. Я уже писал в Институт мировой литературы о том, что, по моему глубокому убеждению, эти великие произведения не имеют себе равных*. Но, высказав это убеждение, я никак не могу приступить

* Сноу был приглашен участвовать в заседании научной сессии Института мировой литературы им. А. М. Горького, посвященной пятидесятилетию со дня смерти Толстого. Вследствие болезни он не смог воспользоваться приглашением. Извещая об этом директора института И. И. Анисимова, Сноу сообщил ему резюме своего предполагаемого выступления. Вот, в переводе с английского, текст этого резюме (оно было оглашено на заседании сессии 15 ноября 1960 г.):

«О Толстом же я хотел бы сказать несколько совсем простых слов. Мне просто кажется, что Толстой — лучший из романистов, а „Война и мир“ — лучший из романов. Раньше я думал по-другому. В двадцать лет я был совершенно потрясен Достоевским, и „Братья Карамазовы“ произвели на меня такое впечатление, какого не могла произвести никакая другая книга. Хотя я и сейчас считаю Достоевского великим романистом, но он не послужил мне в жизни так, как Толстой. Я сам не заметил, как получилось, что с каждым годом я все больше ценю Толстого и немножко меньше — Достоевского. Мне очень трудно изложить свои чувства к Толстому в строго критических терминах. Мы все знаем, сколько банальностей критики обрушили на Толстого с тех самых пор, как был напечатан его великий роман, — разговоры о том, что его мироощущение — это удешевленное мироощущение нормального человека и т. п. Но все это не объясняет нам Толстого, и мне очень хотелось бы увидеть настоящий критический анализ его творчества, сделанный при помощи острейших современных критических средств. И еще одно — я не вполне представляю себе, до какой степени произведение искусства искажено для англичанина переводом. Кое-кто из моих русских друзей говорил мне, что Толстой теряет в переводе меньше, чем другие крупные писатели. Правда ли это?». — *Ред.*

к критическому разбору творчества Толстого или сказать о нем хотя бы что-нибудь новое.

Писать о Толстом труднее, чем о любом другом русском или английском великом прозаике. Может быть, в общей структуре и в художественных деталях его творений кроется что-то такое, что делает их недоступными критическому разбору в обычном понимании? Однако это слабая отговорка. На самом деле я, признаться, не знаю, что сказать. Если бы я писал книгу о романах Толстого, я мог бы с точностью сообщить, когда и при каких обстоятельствах я впервые прочел их, сколько раз перечитывал и какое влияние они оказали на меня. Но что касается серьезного критического исследования, то я просто не знал бы, с чего начать.

Поэтому я не стану утомлять ваше внимание повторением о Толстом истин, которые вы, наверно, слышали уже тысячу раз, и напишу в нескольких словах о том, как относятся к Толстому на Западе, в надежде, что кое-что из этих заметок будет вам в новинку.

В начале статьи я говорил, что англичане считают Толстого величайшим из романистов. Это так и есть. Но мне думается, что впервые Толстой по-настоящему затронул сердца англичан, а не только литературные вкусы, во время войны. Между 1941 и 1945 годами в Англии (с населением примерно в пятьдесят миллионов жителей) было продано около пятисот тысяч экземпляров романа «Война и мир». Этот роман стал достоянием людей, которые обычно не читают романов или вообще любой серьезной литературы. Помню, как-то в годы войны я присутствовал на заседании одного из созданных тогда комитетов. Рядом со мной сидел старший офицер военно-воздушных сил, человек приятный и простой. Я не представлял себе, чтобы он мог пуститься в дискуссии на литературные темы, и поэтому немало удивился, когда он пододвинул ко мне клочок бумаги, на котором было написано: «Ваше мнение о „Войне и мире“?» Я лаконично ответил: «Лучший из романов», на что он откликнулся с нескрываемой гордостью: «Безусловно самый лучший роман из всех, которые я читал». Но тут я должен разочаровать вас: в действительности его слова не были таким уж большим комплиментом. Как я выяснил позднее, помимо «Войны и мира», он читал всего лишь один роман — какой-то неизвестный исторический роман из английской жизни, о котором я ничего не слышал.

Но сам факт, что он, а также много тысяч похожих на него людей прочли роман Толстого, был весьма отраден. Ведь это означало, что война, которую вы вели на просторах вашей земли, война, намного превзошедшая по своему размаху войну, описанную Толстым, нашла глубокий отклик в сердцах англичан. Они сознавали тогда — да и сейчас сознают, — что значила эта война. Приходит мне на память и другая реплика моего офицера военно-воздушных сил, человека, как я уже говорил, славного и бесхитростного. В ответ на мой вопрос, что произвело на него наибольшее впечатление в «Войне и мире», он сказал: «Знаете, чувствуешь, что Россия ужасно просторная страна». Любопытно, что в этих безыскусственных словах он выразил основное, на мой взгляд, впечатление, которое производит Толстой на большинство английских читателей и которое не сравнимо ни с чем в литературе нашей страны. Я вовсе не собираюсь умалять значение английской литературы. Надеюсь, вы не заподозрите меня в шовинизме, если я скажу, что, по моему убеждению, ваша литература и наша литература пока что лучшие в мире. Но небольшие размеры нашей страны наложили отпечаток на английскую литературу. Наши писатели часто и с большим мастерством использовали в своем творчестве тот факт, что мы живем скученно. У нас зародилась литература города и литература густозаселенной местности. Всей английской литературе свойственно стремление вырваться из закрытых помешаний. Русская литера-

тура в этом отношении — прямая противоположность нашей. Почти во всех произведениях русской литературы, и прежде всего Толстого, английский читатель ощущает дыхание необъятных пространств, бескрайних русских равнин. Интересно, а вы, читая книги ваших писателей, тоже ощущаете ветер с привольных просторов или же для вас это что-то привычное?

В заключение я хотел бы задать два вопроса. Как много теряем мы из-за того, что нам приходится читать романы Толстого в переводе? Ведь все мы знаем, насколько обедненно, к нашему великому огорчению, передает Пушкина перевод его произведений (сейчас я как раз перечитываю Пушкина, горько досадуя, что не могу читать его в подлиннике). Что можно сказать в этом отношении о Толстом?

И второй вопрос: каково ваше мнение о пространственных исторических отступлениях Толстого в «Войне и мире»? На Западе обычно упоминают о них с сожалением, так как у нас распространено мнение, что без них книга стала бы более совершенным художественным произведением. Я с этим никак не могу согласиться. Эти отступления, думается мне, несут в произведении важную композиционную функцию, роль которой Толстой отлично понимал. Он добивался того, чтобы его искусство производило впечатление полной безыскусственности. На самом же деле автор «Войны и мира» был, конечно, художником, творчество которого носило глубоко сознательный характер, и только благодаря его исключительному мастерству эти длинные исторические экскурсы создают у читателя такое впечатление, будто книга писалась сама собой. На мой вкус, роман выиграл бы, если бы эти экскурсы были чуть короче и если бы значительно меньше места было уделено увлечению Безухова масонством.

Однако не в этом суть. Если нам доведется когда-нибудь прочесть книгу, написанную нашим современником и имеющую хотя бы половину достоинств «Войны и мира», — какой огромной радостью это будет.

Лондон.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г. — Перевод с английского.

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

О Людмиле Стоянове см. выше, на стр. 117 настоящего тома.

МУДРОСТЬ ТРУЖЕНИКОВ ЗЕМЛИ

Пятьдесят лет тому назад, в день смерти Льва Толстого, я написал статью, которая определяла мое отношение, мое преклонение перед жизнью и делом великого писателя. И тогда, как и сейчас, Толстой был для меня поэтом и художником, великим выразителем человеческой души, толкователем событий и истории, тонким живописцем природы.

Я встретил известие о смерти Толстого с чувством непоправимой утраты. «Все человечество в трауре, — писал я тогда, — и все видят, что лишились своего верного наставника в жизни, человека, перед титаническими силами которого преклонилась бы сама природа, если бы она была разумна».

Читая романы, повести, рассказы Толстого, чувствуешь, что перед тобой бушует бурный океан жизни, который он обуздал, словно некий всемогущий волшебник.

Чувство правды лежит глубоко в народном сознании, и, может быть, Толстой почерпнул его в мудрости тружеников земли, в их страданиях под гнетом помещиков, гнетом бедности, в естественном протесте народа; в рассказах, присказках, частушках чувство правды живет как неотъемлемая категоричная нравственная человеческая проблема. Толстой ощущал

эту проблему как основную задачу своей жизни. Правдивость, истина были для него руководящим началом его мыслей и поступков.

Недавно в дебрях Родоп я видел необыкновенную картину: на высоком холме, над глубокой пропастью росли стройные сосны, упираясь иглистыми вершинами в небо. Но одна сосна выросла глубоко в пропасти, достигла холма, стала расти еще выше в небо, обогнав самые высокие сосны... Не так ли, думаю я, и Лев Николаевич Толстой вырос из недр народной жизни, чтобы постигнуть мудрость и гениальность народа?

София.

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г.— Перевод с болгарского.

ЛЕОНГАРД ФРАНК

Немецкий писатель (ФРГ; 1882—1961)

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОБР

Во время первой мировой войны я написал книгу, направленную против войны, — «Человек добр». Мне знакома великая литература, созданная другими писателями и направленная против уничтожения человека человеком. Но величайшая книга из всех написанных о войне — это «Война и мир» Льва Толстого. Я знаю эту книгу со времен моей юности. Я восхищаюсь грандиозным количеством ее образов, пронизательным политическим анализом, страстным участием Толстого к страданиям, которые война принесла всем людям и, прежде всего, русским людям.

Он был величайшим борцом за новый гуманизм, за гуманизм нашего столетия, за гуманизм, который раз и навсегда заставит войну превратиться в явление прошлого.

«ХОЗЯИН И РАБОТНИК».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
БЕЛЬГИЙСКОГО ХУДОЖНИКА
ФРАНСА МАЗЕРЕЕЛЯ

Из книги: L. Tolstoj. Der Herr und sein Knecht. Berlin, 1930

Он был величайшим борцом за те условия человеческого существования, при которых человек действительно может быть добр и за которые я начал сражаться уже во время первой войны в моей книге «Человек добр».

Мюнхен.

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г.— Перевод с немецкого.

ХО ШИ МИН

Президент Демократической Республики Вьетнам (р. 1890)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемый товарищ редактор!

Вы просили меня написать несколько строк по случаю пятидесятилетия со дня смерти Льва Толстого. В связи с этим я хотел бы рассказать об одном необычном случае, как я стал учеником великого русского писателя. Это может показаться странным, не так ли? Тем не менее, это чистая правда. Вот как это было.

После первой мировой войны я работал в Париже фотографом-ретушером. Ежедневно я ходил в мастерскую, каждый вечер присутствовал на партийных собраниях или на рабочих митингах. В конце рабочего дня я прочитывал несколько страниц из романа, чтобы обогатить свои знания французского языка и немного развлечься.

Как-то один из моих товарищей по работе дал мне небольшую повесть Толстого. Я забыл название повести — ведь с того времени прошло уже почти сорок лет. Однако я все же помню основное содержание этой повести, которое сводится, примерно, к следующему:

У молодого русского офицера-аристократа была очень красивая невеста. Естественно, они любили друг друга. Однажды, на балу, молодая невеста была представлена царю. Царь воспылал к ней безумной страстью и сделал ее своей любовницей... Молодой офицер глубоко страдал. С одной стороны, его мучила любовь к своей невесте, с другой — слепая преданность повелителю-царю. В конце концов он покинул Санкт-Петербург и уехал в глухой район, чтобы больше не видеть ни царя, ни своей возлюбленной.

Вывод: осуждение феодальной морали!

Стиль Толстого был настолько прост, ясен и понятен, что он увлек меня. Охваченный юношеским порывом, я соскочил с постели, хотя в ту зиму было очень холодно, и особенно холодно в моей нетопленной комнате в гостинице. Я произнес вслух: «Совсем не так уж трудно написать небольшую повесть. Я тоже могу писать!»

У нас во Вьетнаме есть пословица, которая гласит: «Глухим не страшен гром пушек». Это относилось непосредственно ко мне. На следующее утро я начал писать. Это было довольно трудно. Каждый день я должен был писать с пяти до шести часов тридцати минут утра, так как к семи часам мне нужно было быть в мастерской. Часто мои пальцы коченели от холода. После недели упорной работы я закончил свой труд. Я отнес его в редакцию газеты «Humanité» и сказал товарищам из литературного отдела редакции: «Я был бы рад, если бы вы смогли напечатать это; независимо от того, напечатаете вы или нет, я прошу вас исправить ошибки во французском языке...».

Товарищи охотно приняли мою рукопись, прежде всего исходя из дружеских чувств ко мне, так как они все знали меня, а может быть, еще из некоторого любопытства, поскольку я был первым вьетнамским рабочим, который попытался написать очерк на французском языке.

Представьте себе мою радость, когда несколько дней спустя, открыв утреннюю газету, я увидел, что мой очерк, мой драгоценный очерк был напечатан. Моя радость была еще сильнее, когда редакция «Humanité» прислала мне пятьдесят франков гонорара. Пятьдесят франков! Этой суммы мне было достаточно, чтобы прожить десять дней не работая; это время я мог целыми днями рыться в книгах в библиотеке. Какое счастье!

В своем очерке я рассказал о том, что видел, слышал и пережил в своем квартале — крайне бедном квартале рабочих и безработных в очень богатом Париже. Первый успех вдохновил меня на написание статей о преступлениях французского правительства во Вьетнаме и других колониях.

Скажите, уважаемый редактор, имею ли я право сказать, что я скромный ученик великого писателя Льва Толстого?

Братский привет вам и вашим читателям.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г. — Перевод с вьетнамского.

БАНАРАСИДАС ЧАТУРВЕДИ

Индийский писатель и публицист, председатель Всеиндийского комитета по проведению 50-й годовщины со дня смерти Толстого (р. 1892).

ТОЛСТОЙ В ИНДИИ

Имя Льва Толстого широко известно миллионам индийцев и пользуется большим уважением. Еще свыше сорока лет назад на языке хинди была опубликована биография великого русского писателя, написанная Нарайяном Чатурведи. Подробная биография Толстого была издана также на языке гуджерати.

Произведения великого русского писателя переведены на все основные языки Индии. Они оказали значительное влияние на литературную, общественную и даже политическую жизнь нашей страны. Например, в свое время письмо Толстого к либералам было переведено на английский язык и широко распространено в Бомбее в виде программного документа движения «сатьяграха» в Индии.

Махатма Ганди считал Толстого своим гуру* и переписывался с ним. Высокая оценка, которую дал Лев Толстой движению сатьяграха на африканском континенте, воодушевляла Махатму Ганди и его соратников в Южной Африке.

Толстой очень близок нам по духу. Его популярность в Индии одинакова только с Горьким.

Своими искренними симпатиями к бедным и угнетенным Толстой оказал огромное влияние на наших писателей. Его высокогуманистические идеи нашли горячий отклик в сердцах моих соотечественников, стали источником вдохновения. Через Толстого мы узнали и полюбили Россию, с которой нас связывает ныне искренняя дружба.

Мне выпало счастье совершить паломничество в Ясную Поляну, где я подарил музею сто двадцать четыре листа фотокопий писем Махатмы Ганди, а также его портрет. Для меня было большой радостью узнать, что в музее Ясной Поляны есть раздел «Толстой и Индия».

Вместе со всем человечеством Индия чтит в эти дни память великого художника слова, философа, борца за светлый гуманизм.

«Правда», 21 ноября 1960 г. — Перевод с хинди.

* великим учителем. — *Ред.*

ШИВДАН СИНГХ ЧАУХАН

О Шивдане Сингх Чаухане см. выше, на стр. 249 настоящ. тома.

СИМВОЛ НАДЕЖДЫ

Толстой занимает одно из первых мест среди титанов мировой литературы — как среди величайших создателей эпических произведений далекого прошлого, так и среди величайших писателей нового времени: гений Толстого не только означал «шаг вперед в художественном развитии всего человечества», как это очень удачно отметил другой великий гений — В. И. Ленин, но также вдохновлял не одно поколение писателей во всех странах мира и в течение целого столетия оказывал на них большое влияние.

В наши дни, когда стало модным разглагольствовать о «кризисе культуры» (а особенно громко об этом говорят на Западе), значение Толстого все возрастает. Как яркий светоч, как символ надежды, любви и истины, возвышается он над слоем холодного тумана и облаков, которые сгустились внизу, слепя глаза и души нашего молодого поколения, затемняя его разум человеконенавистническими идеями и уродуя его чувства.

LA VÉRITÉ
DANS LA BOUCHE DE L'ENFANT (1).

Dialogues

I

ne isba de paysans pauvres. La
petite Groucha, fillette de sept
ans joue dans un coin. Le sta-
roste du village arrive.

LE STAROSTE

Il n'y a donc personne ici?

(1) Ces dialogues sont extraits d'une œuvre de Tolstoï qui en comporte vingt.

«ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
И. Я. БИЛИБИНА

Гравюра французского
художника д'Остойя

Из книги: L. Tolstoï.
Idylles Paysannes. Paris.
1924

Толстой призывает молодежь избавить землю от проклятия войн, империализма и эксплуатации человека человеком. Он призывает ее к истине, любви и красоте, к миру и гуманизму.

«Литературная газета», 19 ноября 1960 г.— Перевод с хинди.

АЛЬБЕР ЛУИ ФИЛИПП ШВЕЙЦЕР

Ученый-гуманист, врач, философ (1875—1965)

ГЕНИАЛЬНАЯ ПРОСТОТА

Приблизительно в 1893 году, будучи студентом Страсбургского университета, я впервые познакомился с произведениями Толстого. Это было крупным событием в моей жизни, равно как и в жизни моих товарищей-студентов.

То, что поразило меня прежде всего, была манера письма этого автора. Никогда до тех пор я не встречал такой гениальной простоты повествования, благодаря которой действующие лица представляли передо мной совершенно живыми в обычном для них окружении; я проникался их мыслями, жил их судьбой. Но то, что в ходе дальнейшего чтения произвело на меня еще большее впечатление, был нравственный и творческий облик самого автора. Он писал не для того, чтобы развлекать нас, а потому, что *должен* был сказать нам кое-что. Не вдаваясь в какие-либо предварительные рассуждения, он увлекает нас сюжетами и самим характером своих произведений, побуждает задумываться над собственной нашей жизнью и ведет нас к простому и глубокому гуманизму. Чувствуется его стремление раскрыть понятие прекрасного решительно во всем, что касается нас.

Как многие другие, испытал его влияние и я. И на меня произвела глубокое впечатление простая и одухотворенная набожность, к которой тяготел Толстой.

Когда в 1902 году я был уже не студентом, а лектором Страсбургского университета, и в плане философском меня занимала проблема возврата нашей цивилизации к идеалам гуманизма, вдохновлявшим людей в конце XVIII и в первой половине XIX века, духовные узы, связывающие меня с Толстым, стали еще теснее. В области теологии я посвятил себя исследованиям жизни Иисуса как исторической личности и проблем начальных этапов христианства. В этом смысле я мог бы представить Толстому, которому была свойственна простая христианская набожность, интересные для него материалы.

Казалось, все побуждало меня установить отношения с этим почтенным старцем. Мой друг Ромен Роллан сделал это, и не мог нарадоваться такому знакомству. Что же до меня, то я был слишком робок, чтобы решиться на это.

Я удовольствовался выпавшим на мою долю счастьем вспахивать то же поле, что и он, и навсегда остался ему благодарным за влияние, которое он оказал на меня.

Ламбарене. Республика Габон (Африка).

«Литературная газета», 17 ноября 1960 г. — Перевод с французского.